

Детство

— Послушай, младший сын короля не женат, и может...

— Я не могу ждать, станет ли он королем в обход старшего брата... Они все здоровы, как быки, в старого короля. Слишком долго ждать их смерти. Так Делла никогда не увидит трона, а значит, и мы не сможем влиять на политику соседей, будь они прокляты...

— Но если Делла станет невесткой старого короля, не значит ли это, что он не станет нападать на нас, родственников?

— Нет, глупая, это ничего не значит... Родители снохи... младшей снохи... кто теперь с этим считается... Значит, снова война, а страна обессилена, разорена... Нет, пока старый лис Элиас не пронюхал о нашей слабости, нужно подсунуть ему Деллу...

— Ты говоришь о собственной дочери, как о шлюхе... Боже, бедная девочка... Элиас ведь старик!

— Он лишь немного моложе меня, не такой уж и старик... Тебе было почти столько же, когда тебя выдали за меня. Ты же не считала меня стариком?

Королева отвернулась, не желая показывать мужу лицо, на котором не было обожания. Да, ей было столько же... А муж был немолод, и она боялась.

Война шла так долго, что от неё устали оба государства; её причин никто не помнил. Земли... Поруганная честь кого-то... Взаимные обиды... И наконец, забрезжила надежда слабого мира, закрепить который призвана их дочь, юная Делла. А мир нужен обеим странам. Поэтому старый Элиас с радостью ухватился за идею породниться с недавними врагами через брачный союз. Который сперва рассматривался между Деллой и одним из его сыновей. Но её упрямый муж охвачен идеей объединения их стран, точнее, поглощения соседней южной. Для этого он и вознамерился выдать Деллу никак не меньше, чем за старого, крепкого, вечного, как горы на его родине, Элиаса. Бедная Делла!... Как она уживется со старым чудовищем!?

— А когда Делла родит сына, а она обязательно родит сына, и не одного, то станет регентом при нем. Старик, конечно, уже умрет... И тогда она выйдет за кого-нибудь из своих родственников... Они принесут вассальную присягу... У моих сыновей, наконец-то, не станет вечной угрозы с юга, этих немых дикарей...

— Но наша дочь... так молода... а Элиас так... — королева запнулась, понимая, что все её слова бесполезны. Муж тяжело взглянул на неё:

— Ей придется рожать от мужа и не раз. Ты подготовила её?

Королева устало кивнула. Никого не заботила судьба женщин в этом суровом мужском мире, полном крови и слез. Никто не пожалел когда-то её, также ради мира выданную девочкой за немолодого вдовца. И она рожала от него, пока не пошли мальчики, и на неё также с подозрением смотрел жестокий муж, раздумывая, не развестись ли с ней, принесшей 2-х первых дочек. И вот теперь Делла, её первенец...

Хрупкая русоволосая девочка задумчиво кружила по тронному залу, здесь и нашла её мать.

— Я все знаю, мама, — в ответ на тяжелый вздох королевы, — я слышала...

— Подслушала, — тихо констатировала та. — И что ты?..

— Так ведь нужно, да? Меня все равно отправят туда?

Мать кивнула, с горечью провожая глазами медленно идущую по залу дочь, будто

прощающуюся с величественными грубоватыми интерьерами.

— Раз нужно... Только... только я боюсь...

Огромный король критически оглядел тоненькую девочку-подростка, склонившуюся перед его тронем. Замешательство он прочел в её глазах. Усмешка скрылась в густой бороде; кивком головы он отпустил невесту. После подписания многочисленных договоров, в том числе о перемирии между противоборствующими сторонами, назначили скорое бракосочетание.

На пышной свадьбе крепкий Элиас изредка насмешливо косился на старающуюся держаться достойно девочку-жену. Она не выказывала явного страха, держась неестественно прямо.

Королева-мать последний раз взглянула на дочь в тусклом сиянии свечей в королевской спальне Элиаса. Изящная, как статуэтка, пышноволосяя, пытающаяся изобразить равнодушие на бледном личике... Мать поправила прозрачную сорочку, сползшую с неподвижного тонкого плеча.

— Здесь красиво... Умеют же южане, все так изящно... Да... Делла, девочка моя... Ты... — королеве явно не доставало мужества оставить дочь здесь одну.

— Не надо, мама, не волнуйся. Я смогу... я постараюсь. Я все помню, что ты мне говорила. Значит, завтра вы уедете?..

— Да, таковы условия твоего мужа. Они не ладят с папой...

— Иди, мама, до завтра... Не уезжай, не попрощавшись со мной!

Выходя, королева разминулась с полупьяным Элиасом, провожаемым в спальную придворными.

Кровать тяжело заскрипела под грузным королем. Натянув одеяло до шеи, не поворачивая головы и едва дыша, Делла ждала, стараясь унять дрожь. Время шло...

— Послушай, девочка... Делла. Ты умеешь хранить тайны? — винные пары заполнили пространство между супругами. Она молчала.

— Твой отец хотел этого брака. Как гарантию мира... Раз уж он состоялся, придется как-то жить. И мы можем договориться. Чтоб все было как прежде у меня... И не так уж плохо у тебя... Я не хочу обижать тебя. Мне не нужна жена — но говорю это только тебе...

Делла боялась вздохнуть, настолько невероятные вещи произносил её старый новоиспеченный муж. Ей ничего не грозит... Её не собираются насилловать... И заставлять рожать... У него уже было несколько жен... Последняя, любимая, умерла давно... Она, Делла, ровесница его сына, и король не хочет её... Никого уже... И если они договорятся и сохранят все в тайне, то их совместная жизнь станет приятной обоим. Он станет заботиться о ней. А она о нем. Как дочь или что-то вроде того... Ну что она, не против?..

Девочка поспешно кивнула и прошептала «да». Помолчав, прошелестела:

— И что же мне делать?

— Держать себя королевой. У тебя должно получиться, я видел, как ты старалась на свадьбе.

— Я... боялась, — призналась она.

— И это я тоже видел. Теперь не боишься?

— Теперь... нет. Наверное...

— Наверное... — засмеялся он, опять обдав её винным духом. — Давай спать!

Королева-мать наутро пытливо взглядывалась в юную королеву-дочь. Она как будто не изменилась с прошлой ночи. То же спокойное личико, прямая спина. Вроде бы неестественное напряжение покинуло её — показалось старой королеве. И вроде бы никакого

испуга на лице. Только смущение от повышенного внимания придворных к себе, от непристойного шепотка вокруг — утром вся знать рассматривали супружеское ложе с каплями крови. Отец скучно втолковывал дочери о её долге перед Родиной, о будущих сыновьях, о покорности мужу. Королева же крепко обняла дочь.

— Ты будто бы не боишься мужа? А?

— Все будет хорошо, мама. Не плачь обо мне!

На прощальном обеде в честь уезжающего отца Делла рассматривала своих пасынков — сыновей короля. Тибо — лет 27, кряжистый, как отец, краснолицый от выпитого вчера, толстогубый, с маленькими настороженными глазками. Сын от первой жены короля, с которой тот развелся, чтоб жениться по любви. Рядом его жена, некрасивая, худая и надменная. Парнишка примерно её возраста — Робби, сын от последней жены, умершей несколько лет назад. Долговязый, жилистый, русоволосый, как и она. Изредка бросает любопытные взгляды на новую жену отца. Король весело поддразнивает сыновей, грубовато отвечает только старший, младший помалкивает.

После отъезда короля-отца Делла почувствовала себя несравненно свободнее. Скучала только по маме и сестре.

— Вышивать — это все, чем ты хочешь заниматься? — примерно через неделю «супружеской» жизни поинтересовался Элиас. Делла пожала плечами, не понимая, чем еще может заняться королева.

— Что ты делала дома?

— Немного... Училась и играла вместе с сестрой, ездила верхом, стреляла из лука, плавала, охотилась... Пожалуй, все.

— Стреляла из лука? Плавала? В ваших холодных реках? — усомнился муж.

— Мой народ — воины. И женщины! — вскинув голову. Он засмеялся.

На следующий день она вошла в класс, где пожилой придворный наставник вдалбливал азы наук в вихрастые головы знатных мальчиков. Несколько подростков обернулись к ней и выжидающе молчали, затем поднялись. Девочка набрала побольше воздуха в грудь: — Я побуду здесь... Можно? — и не дожидаясь ответа учителя села на лавку позади Робби. Опомнившись, учитель продолжил прерванный урок. Мальчишки, помедлив, сели.

Иронично наблюдала кучка юной знати, как молодой королеве подводили смирную, специально подобранную лошадку. Улыбки сползли с лиц, когда она без помощи села в седло и привычным движением вдела ноги в стремя, натянула поводья. Деловито потрепала лошадь по шее и застыла в седле, ожидая сигнала наставника. Робби подъехал и пристроился рядом на беспокойном коне. На её вопросительный взгляд хмуро пояснил:

— С вами поеду. Мало ли что. Отец велел...

Она было раскрыла рот, но промолчала. Ездила Делла лучше многих, за что получила похвалу наставника. На следующей прогулке она сама встала в пару к Робби.

— Его Величество король, мой муж, разрешил называть меня по имени и на «ты», — обратилась она к парнишке. Он кивнул, не глядя на неё.

Через месяц они стали друзьями. В мальчишеской одежде юная королева ничем не выделялась из группы подростков лучших фамилий страны. Она освоилась в придворной школе и не уступала юношам, обойдя всех в науках. Отчаянно фехтовала, лихо скакала на быстром скакуне, забраковав сонную лошадку, метко стреляла. Неизменный Робби всегда был рядом, приглядывая за ней. Они составляли контрастную пару: отчаянная, любящая

посмеяться девчонка и малоразговорчивый флегматичный долговязый паренек. Она была заводилой среди ребят, он же её верным оруженосцем. Только ему разрешено было звать её по имени и только ей — посмеиваться над ним. Ей удавалось вытягивать из него все немудреные подростковые секреты. Часто их можно было заметить на окраине дворцового парка, сидящими на каменистой вершине холма.

Старый король с восхищением наблюдал за юной, оказавшейся такой жизнерадостной королевой, к которой относился как к дочери. Делла же искренне полюбила мужа и была благодарна ему за все. Король баловал юную жену, разрешая организовывать всевозможные представления, будь то балы, дворцовые спектакли, карнавалы, пикники, турниры и скачки. Старые вельможи недовольно ворчали по поводу развернутой Деллой деятельности по изгнанию скуки из дворца, король же благосклонно взирал на все предприятия жены.

— Пора забыть о войне, — повторял он. — Пусть веселятся! Все лучше, чем воевать.

И придворная молодежь развлекалась от всей души. Вечером в постели Делла увлеченно строила новые планы перед уставшим мужем; тот утомленно слушал её, целовал в лоб и все разрешал.

— Эх, нет у меня такой дочки! — с сожалением повторял Элиас. — В Робби мало огня, а Тибо... Эх!..

— У вас есть я, и я вас люблю! — успокаивала его королева.

Девушка благодарно обнимала старого короля, чмокала в щеку и засыпала, научившись не замечать его храп и нередко запах вина. Они тщательно хранили свою тайну, не давая повода сомневаться в их браке.

Юность

Прошло несколько лет. Робби отсылали учиться в университет, в другую страну, за много миль от дома. Делла несколько дней не находила себе места от тоски. Она забросила забавы и тоскливо слонялась по королевскому замку, касаясь мебели, стен и нигде не задерживаясь. Свою любовь к Робби она начала осознавать давно, но определенно почувствовала её только сейчас, перед разлукой. Элиас остановился в дверях покоев, изучая жену, безучастно глядящую в окно.

— Кто-то сидит на вашем холме, на камнях, — произнес он. — Не хочешь сходить туда?

— К чему? Скоро все закончится... — не оглядываясь.

— Нужно попрощаться! Не наказывай парня, на нем лица нет, — проворчал король. — Иди!

Девушка медленно поднялась на холм и села рядом с другом. Уже не дети, они задумчиво смотрели вдаль, куда надлежало ехать Робби. Крепкий, высокий юноша едва касался локтем стройной светловолосой красавицы. В детстве, наперегонки добежав до вершины и сперва помолчав, они начинали говорить, обсуждая новости, происшествия, книги, лошадей, посмеивались над Тибо с его сварливой женой. Сегодня перед разлукой говорить не хотелось. Делла вздохнула.

— Я не вернусь, — вдруг произнес парень.

— Ты... Ты не можешь... Отец не позволит. Ты принц, тебя ждут твои земли в провинции, — запинаясь, но убежденно проговорила девушка.

— Земли... На что они мне?... Буду путешествовать... Вступлю в армию... Где-то всегда война... Пригожусь. Здесь я не нужен. Меня никто не ждет, — скрывая горечь.

— А как же я? Как же мы?

— Ты королева. Жена отца. Родишь сына от него. Тогда я вернусь, чтоб служить ему...

— Нет, не рожу! — она чуть не проговорила, вовремя опомнившись. — Я... буду ждать тебя все равно... Ты мой самый лучший друг!... Ты самый лучший!..

— И ты самая лучшая... Никогда тебя не забуду... Никогда не будет у меня такой... — говорил он, глядя в сторону. Робби нашел её руку и сжал. Она опустила голову ему на плечо.

Издали Тибо пытался угадать, кто это сидит на холме рядом с братом. Он только что приехал из своего княжества попрощаться с уезжающим Робби. Тибо не часто вызывал отец, и братья давно не виделись. И вот теперь он гадал, как же изменился брат и что за девушка грустит вместе с ним.

Одновременно повернувшись друг к другу в желании что-то сказать, молодые неподвижно застыли, и Робби осторожно поцеловал девушку. Она прикрыла глаза и некоторое время не открывала, будто ожидая чуда.

— Мне все равно... Я люблю тебя, — твердо произнес он и поднялся.

— Я люблю тебя, — тихим эхом отозвалась Делла.

Держась за руки, они спустились вниз; за ними насмешливо следил Тибо, с неприятным удивлением угадав королеву. Он в очередной раз решил, что отец слишком много позволяет жене. И ещё завистливо отметил, что она здорово повзрослела. И похорошела.

Грустные были проводы, Делла сквозь слезы следила, как хмурый Робби прощался с придворной молодежью, своими друзьями. Вот его обнял брат, что-то насмешливо выговаривая, похлопал по щеке. Вот парня обхватил отец, с улыбкой негромко убеждая в чем-то. Лицо принца озарила улыбка, первая за последние дни. Он коротко перекинулся с королем парой фраз, кивнул Делле и вскочил в седло. У девушки защемило сердце от тоски и тяжелых предчувствий: неужели никогда больше? Неужто, это конец? Конь под принцем загарцевал на месте, пританцовывая. Робби счастливо улыбался, во все глаза глядя на Деллу. Кавалькада всадников выстроилась на дворцовой площади для выезда. И вдруг принц сорвал скакуна с места, подлетел к королю с королевой и, свесившись с седла, прошептал ей в самое ухо:

— Обещай дожждаться меня во что бы то ни стало!

Удивленная и испуганная, Делла отпрянула от него, а смеющийся король подтвердил:

— Она дождется! Обещаю!

Их взгляды на секунду встретились. Веселый — его и плачущий — её. И Делла поверила в возможное счастье. Принц прищипил коня и поскакал к воротам. Цепочка всадников потянулась за ним. Королева тихо заплакала и ушла в покои.

Надежда

— Через год он приедет на каникулы, и я разведусь с тобой. Поженю вас. Уедете далеко, в его земли на границу, нарожаете мне внуков. Будете жить долго. Робби присягнет Тибо потом, когда я умру, будет ему опорой. Не пожалеешь о троне?

— Нет! Мне не верится, что вы так решили! Вы не гневаетесь на меня?

— Нет! — смеется король. — Дело молодое, я ж вижу, что парень исстрадался весь.

— Я всегда буду любить вас... Мы с Робби всегда будем...

— Я знаю, вы мои дети! Ну ладно, хватит благодарить, — отбивается король от поцелуев Деллы.

Тихо, скучно стало во дворце. Только все больше полнеющий Тибо ходил по залам, негромко общаясь с придворными и осторожно интересуясь новостями. Молодую королеву он провожал откровенно изучающими взглядами, потому Делла старалась избегать общения с

ним, интуитивно чувствуя неприязнь. Пару раз она видела его с дядей, младшим братом короля, шепчущимися в уединении. Деверь — опасный тип, мастер заговоров. Король держит его поблизости, натерпевшись неприятностей от того в молодости. Спелись пауки — думает девушка и гонит прочь тревожные мысли. Нельзя было отказаться от семейных трапез, на которые отец охотно приглашал старшего сына, заменившего теперь Робби. Раньше Делла любила ранние завтраки, полные острот и смеха, где она купалась в обожании мужа и пасынка. Теперь же девушка с тоской едва прислушивалась к скучным, полным не всегда понятных намеков, беседам короля и его старшего сына, пребывая в мыслях где-то далеко, там, с Робби.

— Я ещё не умер, Тибо! Дождись! Всеми свое время! — резкие слова короля заставили её вздрогнуть и вернуться из мира грез. Наследник с красным лицом, яростно сжимая в руках столовые приборы, громко пыхтел, опустив глаза в тарелку. Раздраженный король тяжело дышал, пытаясь расстегнуть ворот рубахи. Ловкими пальцами девушка ослабила шнуровку и погладила мужа по плечу, успокаивая. Он устало улыбнулся ей. Делла вопросительно взглянула на супруга, но от отвернулся от неё.

— И все же, отец, хотелось бы ясности... Ты немолод, твоя женушка бесплодна, я живу так далеко, что, случись что с тобой... Будет упущено много времени, этим могут воспользоваться враги...

— Я повторяю, сын, всеми свое время и завещанию тоже. Не спеши! — теряя терпение, прорычал король.

— Всем было бы спокойнее, объяви ты наследника сейчас. Меня, конечно! — аккуратно отодвинув стул и поднявшись, язвительно сказал Тибо. — Может, я бы и не уезжал...

— Уходи сейчас же! — крикнула Делла. — Как ты смеешь!..

Уже в дверях наследник насмешливо произнес:

— Это ведь семейное дело, папа? И необходимое... Мое почтение королеве.

— Поживу ещё! Не слушай его, — успокаивал супруг тревожащуюся девушку. — Мы с тобой ещё дождемся Робби. Погуляем на вашей свадьбе. А Тибо — осел, торопливый осел. Как и его мать...

Делла давно знала, что первая жена Элиаса, мать Тибо, отвратила от себя весь двор своей вздорностью и высокомерием. Тогда давно король разорвал этот династический брак, чтоб жениться на юной придворной даме, в которую влюбился. Это чувство было взаимным, его плод — Робби. Мать же Тибо по-прежнему живет с сыном в отдаленном княжестве. Вот в кого у наследника змеиный характер. Успокоенная супругом и полная радужных надежд, королева заснула, прижавшись щекой к большой ладони Элиаса. Это была их последняя ночь...

Убийство

На груди Деллы будто бы лежит плита, она становится все тяжелее, затрудняя дыхание. Вокруг с утробными, булькающими звуками сотрясается мир, погруженный во тьму. Кто-то темный и страшный наклоняется над ней, низко, ещё ниже, и, полупридушенная, она просыпается.

Непонятные глухие звуки с трудом пробираются сквозь вязкий сон в предрассветную муть. Попытка встать не удастся: кто-то сидит, прижавшись к её боку, и быстро хватает её рукой за шею, вдавливая в подушку. Она пытается закричать и повернуть голову к лежащему рядом королю, но липкие большие руки зажимают ей рот. Её сотрясает крупная дрожь, пока она, наконец, не догадывается, что трясется то ли кровать, то ли вся спальная. Рядом происходило

нечто страшное, роковое, чего видеть ей не дают. Полузадушенная, она слышит, как сдавленные хрипящие звуки постепенно затихают, ложе перестает вибрировать. Сильные руки тянут её вверх, к уху прижимается чей-то, едва видимый во тьме, горячий шепчущий рот:

— Все кончено, моя королева... Он умер... во сне... Он не мучился... Все сделано быстро и аккуратно... Ты знаешь Вута? Моего слугу?..

Огромный детина поднимается с короля и откладывает в сторону подушку. Делла узнает Вута, почти дегенерата, где-то подобранного Тибо и по-звериному преданного ему. Тот оскаливает большие кривые зубы в мерзкой усмешке. Девушка с ужасом переводит взгляд на тело мужа. Среди разбросанных подушек, на скомканной простыни его тело странно вытянуто, руки подняты, да так и застыли в пылу схватки, лицо страшно искривлено. Делла тянет к мужу руки и хочет крикнуть, но звук замирает в её оцепеневшем горле, а слезы пеленой застилают глаза. Потные руки Тибо обнимают её и поглаживают спину:

— Ну, полно, полно... Все уже прошло... Жаль, что так все вышло... Это бывает — смерть во сне... Наверное, сердце остановилось... Запомнила? Сердце. Так и скажешь завтра, когда тебя станут спрашивать... А я уехал вчера, ты ведь помнишь. Меня не было здесь... Только ты одна была... Проснулась, а король мертв... Ведь так, Делла?

Девушка замедленно мотает головой, и голос, наконец, прорывается:

— Н-нет, н-не так! Ты убийца! Убийцы! Н-ненавижу тебя! Тебя казнят! Я сама казню тебя!!! Тибо ядовито смеется, крепче обхватывает королеву, отчего по его телу пробегает удивившая его волна возбуждения, и вновь шепчет ей в ухо, брызгая в него слюной:

— Тогда и ты умерла этой ночью... С горя по мужу... Например, закололась или перерезала вены... Или бросилась с дворцовой стены вниз и разбилась... Как ты хочешь?..

Вут нечленораздельно мычит и показывает на дверь. Тибо мерзко облизывает её ухо, отчего у него приятно шевелится в паху, и пристально смотрит ей в лицо.

— Да, я помню, надо идти... Завтра возвращаться сюда снова и играть комедию... У нас не очень много времени... Ну что ж, прощай, моя глупая королева! Больше не свидимся... Ты вообще больше никого не увидишь! Мне жаль тебя... Робби, дурачок, будет страдать... Вут, дай-ка мне вон то полотенце!

Принц и мерзкий дегенерат о чем-то тихо сговариваются, Вут недовольно мычит, и через мгновенье связанную Деллу с замотанной полотенцем головой по тайной винтовой лестнице прямо из спальни поволокли вниз, в дворцовые подземелья. Она чувствовала, как её за связанные руки подвесили на крюк. Полотенце сорвано, она со страхом огляделась. Мрачный сырой холодный каземат, пучки сена на полу, чей-то обнаженный труп в углу; она вздрогнула. Блудливо кривя слюнявые губы, резким движением Вут разорвал на ней сорочку сверху донизу и отстранился, разинув зубастую пасть. Будто ослепленный, он тупо пялился на неё. Потом шагнул вперед...

Следующие несколько часов слились для Деллы в один сплошной кошмар и не прерываемый ни на секунду крик. Безумец сперва осторожно, будто опасаясь, принялся трогать её обнаженное тело. Придя в себя и вспомнив, что она полностью в его власти, толстыми кривыми пальцами сильно зажал кожу на боку и, прислушавшись к её отчаянному крику, исципал все тело. Обезумев от похоти, ощупал её с головы до ног и, вцепившись в груди, сжимал их, пока девушка не завывала от невыносимой боли. Довольно забулькав каким-то горловым смехом, присосался к ним, будто желая выцедить оттуда молоко. Прижимая к себе,

исцарапал ей спину и схватился за ягодицы. Закинув её безвольные ноги себе на пояс, начал толкаться в неё всем телом, имитируя совокупление. Чем громче она кричала, тем радостнее он хохотал, входя в неистовство. Ещё немного, и он разорвет её или задушит, казалось истязаемой девушке.

Она онемела от ужаса, когда он приспустил штаны и вынул темно-бордовый член. Недолго тер его пальцами и направил, кривой и окаменевший, ей меж бедер. Нащупал отверстие и толкнулся. Делла закрутилась на крюке и захрипела, кричать она уже не могла. Безумец вновь толкнулся. И вновь... Никак не понимая, в чем же дело, Вут ткнул пальцем туда, куда не проходил член. Девушка яростно дергалась на крюке, почти ничего не видя опухшими от слез глазами. Каждый толчок пальца в девственную плеву отдавался в паху острой болью.

Нахмурившись, идиот отступил; нечто вроде любопытства отразилось на его бессмысленном лице. Он вперился на свой палец, машинально сунул его в рот, и похотливо ухмыльнулся.

Что-то обдумывая, он примерился, как лучше обездвигнуть брыкающуюся жертву. Обхватив её за пояс, безумец втокнул палец меж бедер девушки и принялся натирать створки влагалища. Делла отчаянно вскрикнула и дернулась; Вут восторженно зарычал от такой удачной «шутки». С силой он толкал палец сквозь инстинктивно сжимаемые девушкой бедра, пока они не увлажнились. Временами облизывал палец и возвращал его обратно. В паху Деллы все горело огнем, натертые губки болели и дрожали. Силы оставили её, измученная, она перестала сопротивляться. Идиот издал торжествующий рев, сильно сжал ей ладонью пах, просунув пальцы меж воспаленных складочек. Ощувив изнеможение своей жертвы, он перестал её удерживать, удобно захватил свободной рукой округлую грудь и потянулся к её лицу мокрым ртом. Она почти потеряла сознание от его зловония, пока он мусолил её губы. Время для Деллы остановилось. Она уронила голову на грудь и перестала сопротивляться, избегая напрасных мучений, пока дегенерат мастурбировал её.

Насытившись её ртом и оставив полыхающую промежность, он принялся оближивать её всю. Опустившись к её ногам, закинул её бедра себе на плечи и припал зубастым ртом к мокрой вагине. Девушка бессильно дернулась и заплакала, тихо всхлипывая. Голоса уже не было. Больно зацепив пальцами пухлые складки, одуревший от похоти кретин растянул их, обнажив тоненькую пленку, прикрывавшую отверстие. Впившись мокрыми губами в девственную плоть, он сладко зачмокал и принялся возбуждать себя рукой.

Тягостные ощущения и боль от его жестких пальцев накатывали на Деллу волнами, временами отпуская, когда идиот переводил дыхание. Внезапно он вскочил и залил живот девушки склизкой жижей, прижав к ней извергающийся член. Он трясся и пыхтел, обхватив её. Делле захотелось умереть сейчас же. И так же страстно мечталось остаться в живых и мстить, мстить, мстить!... На дрожащих ногах он отошел от неё и пнул ногой труп, валяющийся в углу. «Труп» охнул и пошевелился...

Это была девушка не старше королевы, темноволосая, с развитыми формами и пышной грудью. Её кожа была грязна, волосы спутаны. Вут протащил её за руку по полу и бросил на грязный тюфяк. Она громко заплакала. Отхлестав её по щекам, кретин опустился на неё. Навалившись, он впился в её рот и начал мучить, как только что Деллу. Девушка посопровивлялась, визгливо покричала, но отпор её слабел; после нескольких чувствительных оплеух она бессильно раскинула руки. Делла зажмурила глаза...

Казалось, ночь не закончится никогда. Обретя прежнюю силу, безумец без остановки, принуждал несчастную жертву к ужасающим извращениям. Войдя в неистовство, Вут едва ли

не разорвал рот девушки, заталкивая туда кривой член. Он разбил ей губы, ударяя о собственный пах лицом. Она издавала нечленораздельные звуки широко раскрытым ртом и подвывала, как недавно королева. Выдернув из её рта мокрый темный орган, идиот швырнул несчастную на колени и вонзился в неё. Оргия продолжалась долго... Измученная жертва покорно позволила втолкнуть член в свой зад, собственноручно растянув половинки ягодич, и поскуливая, приняла в себя семя безумца. Повернув к себе лицо девушки, Вут долго жевал её разбитые губы. Оттолкнул её, и сморщенный член с каплями на конце, упал на длинную мошонку. Под аккомпанемент девичьих причитаний кретин почесал причиндалы и повел по сторонам скучающим взглядом. Делла зашептала молитву...

Девушка не заметила, когда рядом с Вутом вновь появился Тибо; она не знала, сколько прошло времени и наступило ли последнее утро её жизни. Пытаясь всматриваться и вслушиваться в разговор господина и слуги, она напрягла все оставшиеся силы. Не обращая на неё внимания, принц размышлял о судьбе Робби. Слуга тупо слушал.

— ... наконец покончить со щенком! Вести доходят быстро, через пару месяцев он может быть здесь. Соберет вокруг себя недовольных, затеет смуту. Начнет расспрашивать про неё. Ещё пронюхает чего доброго... Нет, не нужно ему приезжать! Совсем не нужно...

Видение Робби, лежащего рядом с ней в канаве с перерезанным горлом или повешенного в лесу по дороге на родину, возвратило ей способность мыслить. С трудом продираясь сквозь пелену страха, королева зашептала, срывая голос:

— Я все скажу, как ты хочешь... Все сделаю...

Тибо заинтересованно взглянул на хрипящую девушку. Измочаленная до невозможности, она все же было очень хороша.

— Жить хочешь? — ухмыльнулся он. — На что ты готова ради жизни?

— Все, — тяжело прошептала она. — Что угодно...

Ей казалось, что она это говорит против воли, что кто-то выжимает эти постыдные слова из неё, что на самом деле она хотела сказать другое, нечто более достойное королевы, чьего мужа убили на её глазах, а она не защитила того, кто был так добр к ней. Но она говорила это, и убийца довольно шурился в ответ. Вут, будто проснувшись, медленно повернул к ней голову, соображая, и вспомнив, забулькал что-то хозяину. Не сводя с неё глаз, тот выслушал. Медленно обошел вокруг висящей, потрогал свежие царапины на её спине, отчего по его телу снова пробежала приятная дрожь, и встал перед ней, покачиваясь на каблуках.

— Ты девственница. Почему? — послушал тишину. — Если ты намерена молчать...

Нехотя, она объяснила. С видимым равнодушием он выслушал. На самом деле Тибо торжествовал: он и не мечтал, что все сложится даже лучше, чем предполагал. Эта юная красавица сама давала ему в руки все козыри. Теперь будет проще, намного проще сделать её послушной. Но нужно спешить...

Пока её тащили по лестнице вверх, в королевскую спальную, она безостановочно шептала о девушке, оставшейся в подземелье. В её раскальвающейся голове билась мысль о тех, кого она ещё может спасти. Элиаса — не смогла, его не вернуть. Но за Робби она будет биться, его не отдаст им!... И ту несчастную освободит!... Только представить: на её месте должна была быть она, Делла, и только необъяснимая удача спасла её от извращенного насилия.

Предательство

Как неживая, неестественно выпрямившись, сидела умытая и одетая королева на краешке супружеского ложа, стараясь не смотреть на мужа. Постель была расправлена, тело лежало

ровно со сложенными на груди руками. Будто издалека до неё доносились инструкции принца, стоящего перед ней... И многократно повторяемое «... если ты ошибешься хотя бы раз...», «... советую не ошибиться, чтобы...». Он поднял её подбородок и приблизил озабоченное лицо с немым вопросом. Она устало прошептала:

— Да... Я запомнила.

Дальнейшее происходило как во сне: Делла, как робот, отвечала придворным, позванным ею, что не смогла разбудить короля и испугалась; что послала гонца за Тибо, не успевшим добраться до дома. Смотрела, как над телом склонился врач, и ожидала разоблачения, но тот лишь констатировал смерть от остановки сердца... Наблюдала за шумно прибывшим, безутешным принцем, пытавшимся выдавить из себя слезу у тела отца... Принимала бесконечные соболезнования... Терпела родственные объятия Тибо, шептавшего, что она молодец... С горечью видела раболепие знати перед наследником и его ставшие царственными манеры... Уже не удивлялась герцогу Эмилю, брату покойного Элиаса, не отходившему ни на шаг от племянника и распоряжавшемуся... Едва дождалась, пока её оставят одну...

Похороны она помнила плохо, только то, что Тибо все время был рядом... Его жена не приехала, болеет... Робби не сообщили — наследник запретил...

Герцог Эмиль нервно барабанил пальцами по подлокотнику, Тибо без интереса рассматривал портрет отца в галерее тронного зала.

— Значит, завтра она должна выступить в Совете и просить тебя жениться на ней. Она не подведет?

— Нет, не должна. Она достаточно запугана и достаточно разумна. Боится за мальчишку.

— Смотри, осечки быть не должно! И чтоб её папаша ни о чем не узнал! Если она вернется домой, или если он потребует её обратно — значит, опять война. Могут найтись те, кто сообщит ему... Никто не должен усомниться в её добровольном решении. В противном случае...

— Пока она полностью под моим контролем. Никуда не выходит, за ней следят. Все будет как нужно!

Лежащая Делла следит взглядом за Линой, с любопытством перебирающей её платя. Королева так и не отошла полностью от той страшной ночи и почти все время лежала. Лина же неправдоподобно быстро оправилась после того ночного насилия и совсем не вспоминала о нем. Тогда, через пару дней после ночи убийства, Тибо привел к ней Лину, испуганную и забитую. За неделю девушка оттаяла душой и расцвела. Она неохотно рассказывала о подземелье, почему там оказалась. По её словам, её похитил на улице «тот страшный человек», Вут, долго мучил в подвале, и «только ваше доброе величество освободило меня». Она смешная, думает королева, и так преданна. Только пока неловко исполняет обязанности служанки, но старается. Зато, оказывается, любит наряжаться и прихорашиваться. После принятых в подарок нескольких платьев королевы, намекает на следующие, простодушно интересуясь, когда же... Зато ей нет равных в осведомленности всеми новостями. «Да что ж тут сложного, моя добрая госпожа, я ж не глухая. Тут послушаю, там подгляжу... Улыбнусь, подмигну, со мной и делятся», — доверчиво просвещает она Деллу, во что нетрудно поверить — девушка привлекает взгляды. Мужские. Когда она проходит по залам дворца, выделявая бог знает что бедрами и царственно неся пышный бюст, ни один придворный, стражник, слуга не устоит. Она сама комично рассказывает об этом печальной королеве, пытаясь

развеселить ту. Наслушавшись сплетен, Делла даже поручила ей узнать, что говорят во дворце про младшего принца. Лина быстро принесла вести: Робби пока не осведомлен о смерти отца, зато всегда наготове страшный Вут и парочка неприметных слуг. По первому же приказу нового короля они сорвутся туда, где принц... Но новый король, конечно же, не хочет зла брату... И его дядя не желает... Ради королевы, принцу ничего не грозит... И так далее в том же духе. Движением головы вошедший Тибо отослал Лину; поджав губки, та вышла, провожаемая его насмешливым взглядом. Он бесцеремонно сел на кровать. «Как тогда», — вспомнилось Делле, она отодвинулась.

— Осваивается? — кивок вслед служанке. — Как чувствуешь себя?

— Не очень. Что ты решил насчет моей просьбы? Когда я могу уехать к отцу?

— Никогда. Ты остаешься! Завтра на заседании Государственного совета ты расскажешь про фальшивый брак с отцом и попросишь меня жениться на тебе.

Потрясенная Делла долго молчит. Она отчего-то догадывается, что все её просьбы будут бесполезны.

— А твоя жена? Когда ты успел развестись?

— К сожалению, я овдовел недавно, — скучным голосом безо всякого сожаления.

Делла с ужасом подняла на него глаза: ещё одна смерть... Так скоро...

— Убийца!..

— Она болела... Если вздумаешь отказать, ты не нужна мне живой. А война из-за тебя не нужна вообще никому, в том числе и твоей стране.

Делла долго размышляет и решается. Спросив, может ли она быть с ним откровенной, и, получив в ответ кивок, она нехотя все же рассказывает о своей любви к Робби, об обещании Элиаса поженить их, о том, что они собирались мирно жить далеко от двора, присягнуть на верность новому королю и не быть препятствием. Он хладнокровно выслушивает и смеётся:

— Советую никому не рассказывать эти сказки. Неубедительно.

— Поверь мне, Тибо!

— Это ты поверь мне, глупая девчонка, что братцу будет лучше там, где он сейчас, и подальше от тебя!

Девушка не вытирает крупных слез.

— Как же я буду жить? Зачем?

— Обещаю, ты будешь счастлива со мной. Будешь послушна — Робби проживет долго.

— А если я откажусь?..

— Станешь подстилкой Вута для начала. Думаешь, Робби примет тебя после него?

— Зачем ты это делаешь, Тибо? Ведь ты уже король, чего тебе не хватает!?

Он нагибается к ней, ощущая нежный аромат её дыхания, и вновь в нем рождается желание. Новоиспеченный король целует её, не обращая внимания на бьющие по его спине слабые кулачки.

— Значит, завтра! Будь готова! — оторвавшись от неё и вставая в замечательном настроении.

— Что же это будет, моя добрая королева, что же будет!?! — причитает Лина, как всегда подслушавшая разговор. — Бедная, бедная, моя госпожа! Бедный принц Робби! Такой красавчик! Так жаль его!

— Замолчи! — плачет Делла. — Что же делать? Что, Лина? Может, бежать?

— Куда бежать, моя королева? Спальная под охраной, лестница в подвал заперта! За нами следят. Бедный, бедный, принц! Как жаль!

Делле невыносимо слышать эти стоны, служащие её прямым обвинением. Она пытается рассуждать здраво, перебирая варианты избавления от ненавистного брака с убийцей. Пытается говорить со служанкой, предлагая найти хоть какой-то выход. Но та твердит, что после насилия в подземелье боится всего и всех; она видит Вута каждый день и больше не хочет попасть ему в руки. А если они попытаются бежать, то именно к нему обе и попадут. Эта трусость как-то не вяжется с её бойкостью и жизнерадостностью, но Делла понимает, что здесь она осталась одна.

Едва осознавая реальность, назавтра Делла сидит напротив нового короля, в конце длинного стола, на заседании Королевского Совета. Придворные с любопытством слушают затянувшееся молчание сразу после объявленного герцогом Эмилем слова вдовствующей королевы. Скрывая накатывающее раздражение, Тибо удерживает милостивое выражение лица.

— Итак, ваше величество, о чем же вы желали просить Его Величество короля? — наконец, прерывает тишину королевский дядя.

Ненавидя саму себя, Делла, запинаясь, произносит отрепетированный накануне текст: — ... признаю брак с королем Элиасом недействительным... по факту супружеских отношений не было... под давлением вступила в преступный сговор с умершим королем... король Тибо был так добр, что простил меня... искренне полюбила его... жениться на мне, если на то будет воля Его Величества... не разбивать мне сердце... — ей кажется, что каждой фразой она предаёт вероломно убитого мужа... И пока что находящегося в безопасности Робби...

Слезы больше не льются из её воспаленных сухих глаз, верно, вытекли все, да и Тибо запретил плакать, пока она не закончит обращение. По знаку герцога её отводят в соседние покои, где придворный врач удостоверяется в её невинности. Положительное решение мгновенно принято Королевским Советом, оно всех устраивает: заложница мира остается в стране, как и последние несколько лет; ей велено написать письмо венценосному отцу в качестве невесты нового короля. Последующие письма будут уже совместными, от королевской четы. Совет тронут её искренними чувствами к новому королю... Ей желают счастья в новом скором браке...

Герцог Эмиль диктует королевской невесте текст письма отцу, повторяющий её обращение к Совету. Позволяет вставить некоторые родственные мелочи, придирчиво прочитывает.

— Вас не удивляет скоропостижная кончина вашего брата, короля Элиаса? — безо всякой надежды интересуется Делла.

— Покойного короля, — машинально поправляет его младший брат, не отрываясь от бумаги.

— Нет. Он был в годах... Вас что-то смущает, дорогая невестка?

— Да, много что! — от безнадежности Делла повышает голос, встречая удивленно-равнодушный взгляд деверя. — Вы ведь все знаете... И помогаете ему!

— Милая Делла, ты волнуешься перед скорой свадьбой... Да ещё не отошла от вдовства. Я понимаю и сочувствую тебе. К тому же эти недавно открывшиеся, постыдные обстоятельства твоего незаконного брака...

— А как же Робби, ваш племянник? Он так и не узнает, что его отец умер? Не приедет на свадьбу?... — потеряв надежду, отрешенно перебивает девушка.

— Судьбой Робби займется его брат — король! — отчеканивает герцог, выходя с письмом. — Советую забыть вашу предосудительную детскую дружбу! И готовиться к свадьбе!

Вошедшая после него Лина восхищенно пялится на новые роскошные наряды, развешенные

на манекенах. Их прислал король. Она с неудовольствием мельком оглядывается на плачущую королеву и возвращается к сияющим тканям.

Первая брачная ночь

Ночью Делла не спала. Она теперь вообще плохо проводила ночи, томясь между дремой и кошмарами. Она услышала голоса у двери, та скрипнула, негромкие шаги приблизились, постель прогнулась от тяжести тела, её обдало кислым винным духом... Голос Тибо твердил, что он пришел к своей жене, что соскучился и хочет её, требовал обнять и быть послушной... Девушка вырвалась и побежала к двери, призывая стражу, Лину... Темная фигура у двери схватила её, по знакомому зловонию она догадалась, кто это... Рыдая, она боролась, Вут злобно ревел, оцарапанный и оглушенный ею. Подскочивший Тибо схватил её за руки, вдвоем они зажали её между собой. Прижатая спиной к дегенерату и сдавленная его лапами, девушка брыкалась до последнего, пока король подхватывал её под колени и устраивался между её ног.

Здрав ей сорочку и приспустив свои штаны, Тибо, что-то бормоча насчет «все равно это случится... моя жена... нет смысла ждать... хочу тебя...», аккуратно направил свой твердый кол в вагину обездвиженной, плачущей Деллы и, подняв голову, сильно толкнулся.

Крича от боли, девушка и не поняла, после какого по счету толчка насильник прижался к её паху. Победно улыбнувшись, он слегка отстранился и стащил с неё через голову сорочку. Мычащий за спиной у Деллы Вут тотчас же сцепил руки у неё на груди, вызвав у неё мерзкие ощущения и воспоминания. Со словами «бедный Вут тоже заслужил небольшое вознаграждение, правда?» Тибо смачно поцеловал её соленые от слез губы и погрузился в неё до упора. Она терпела тупую боль; мычащий сзади Вут облизывал её шею и терся о её ягодицы распухшим пахом. Засмеявшийся Тибо приостановился и, сказав, что дальше справится один, велел тому убираться. Идиот что-то разочарованно бубнил у неё за ухом и нехотя расцепил руки. Король подхватил её за спину и, оглядевшись, понес к невысокому комоду. Усадив её на край, он грозно взглянул мнущегося на пороге Вута и, послушав скрип закрывающейся двери, поудобнее обхватил её колени.

Совершенно не жалея только что лишившуюся невинности, Тибо долго долбил её, удовлетворенно прислушиваясь к звучному хлюпанью вниз. Её уже ставшее послушным тело манило его к себе ничуть не меньше бунтующего. Выплеснувшись в неё, он тут же захрапел рядом. Она же не сомкнула глаз от горя. Все было кончено с ней, со всеми надеждами на счастье. «Это навсегда?! Навсегда! Навсегда...» — терзала её невыносимая мысль.

Утром он вновь взял её, не спавшую, с коричневыми засохшими пятнами на ляжках. Даже понимая, что сопротивление бесполезно и бессмысленно, Делла все равно отбивалась и царапалась, будто не желая поверить в очевидное. И он вновь удостоверился, что бьющаяся под ним, она притягивает его больше покорной. И намного сильнее, чем все остальные женщины. Он нашел свою королеву, отняв её у отца и брата, удовлетворенно думал он, наполняя её лоно ядовитой влагой. Оставив её на скомканной постели, он ушел, удвоив охрану у спальни и перебросившись словом с вездесущей Линой. Та повздыхала над обессиленной королевой, скрытно бросая на неё любопытные взгляды.

Оставшиеся до бракосочетания ночи он проводил с ней, азартно преодолевая её сопротивление. Ко дню свадьбы она была беременна.

Новая супружеская жизнь

Громкими поощрительными криками придворные хвалят очередной мадригал очередного

трубадура о горячей любви короля к прекрасной королеве. На каждом пиру и балу читают и поют их. Самодовольно улыбающийся король бросает подготовленный кошель с монетами певцу, сжимает руку Деллы и слюняво целует. Она грустно кивает трубадуру, зная, что поощрила того на очередное любовное сочинение. Вся страна верит в семейное счастье королевской четы, которое те и не скрывают. Вот ведь как бывает: несчастные вдовец и вдова нашли свою любовь, ожидают наследника... А старый король обижал юную королеву, их брак незаконен — так шепчутся в народе. Молодой же король обожает супругу, наряжает и не сводит с неё глаз. Вот шепчет ей на ухо слова любви, не иначе... Супруга же не шелохнется, соблюдая королевское достоинство, но, разумеется, тоже влюблена в мужа.

Не стоило ему говорить, что он не может дождаться ночи, чтоб любить её — она знает. Ни единой ночи они не провели порознь. Несмотря на растущий живот Деллы, король несколько не охладил к ней, побуждая каждую ночь кататься по постели в любовной схватке, смешивая липкие соки друг друга. Отбиваясь, королева никак не желала привыкать к еженощному насилию над собой.

Письмо к Робби

Прошло достаточно времени, чтоб Тибо решил сообщить далекому Робби о смерти отца. С пером в руке Делла задумалась. Она отвоевала у мужа право написать собственноручно, не прибегая к помощи секретаря, как сделал король. Робби не поверит в написанное не ей — убедила она Тибо. И зная, что письмо будет прочитано мужем, подбирала фразы. Как ни напиши, все одно плохо! Невозможно предсказать реакцию флегматичного Робби. И будет ли эта реакция, ведь прошло столько времени?... Целая жизнь отделяет её от той девушки на холме, признавшейся ему в любви. Всё растоптано безжалостным королем — её мужем, его братом. Хочет ли она, чтоб Робби возненавидел Тибо, подобно ей? Да, хочет! Может ли она позволить это? Нет, не может, не должна! Кто даст ломаный грош за жизнь Робби, продемонстрируй он нелояльность брату? Или обиду? Вздохнув, Делла обмакнула перо в чернила.

Король, покачиваясь на каблуках, читает письмо жены, временами бросая на неё критические взгляды. «... поддержал в глубоком горе после смерти твоего отца — короля... почувствовала горячую признательность к нему... мы оба страдали, потеряв супругов... ощутила в нем родственную душу... у нас оказалось много общего... мне было нелегко, и твой брат всегда был рядом...» — пробегал он глазами ровные строки.

— «Признательность», «поддержка» — это все, конечно, неплохо. Ожидал от тебя большей художественности. Тебе бы поучиться у менестрелей, как там у них, э-э, «влюбленный король», «возлюбленная королева», «я самый верный рыцарь твой, погибну за тебя...!», — он бросил перед ней письмо и опустил руки ей на плечи, изучая их отражение в зеркале, перед которым она сидела за туалетным столиком. — «Я полюбила доброго короля и просила его соединить наши сердца. Я очень счастлива с ним и не мыслю другого мужа. Ты должен быть рад за нас». По-моему, неплохо, а? Допиши!

Открывшей было рот Делле, он многозначительно сжал плечи. Они смотрели друг на друга в зеркало: она — с неприязнью, он — с угрозой. Она опустила взгляд и взяла перо...

Король выхватил у неё написанное, улыбаясь, прочел и отдал слуге с наказом, отправить тотчас же. Нагнулся к жене, запрокинул ей лицо и толстыми губами впился в рот. Властно сдавил её грудь и, помяв, хозяйски опустил руки на выпирающий живот.

— Когда родится наш сын, приказываю тебе не беременеть года 2.

— Это зависит не от меня. Оставь меня в покое — я не понесу.

— Глупости! Вы женщины, когда вам нужно, умеете все обделать лучшим образом. Иди ко мне!

Он подобрался к легшей на край кровати и отвернувшейся жене, задрал тонкую сорочку и прижался к её мягкой спине. Обняв её, сопротивляющуюся, направил давно восставший член между мягких складок вагины. С трудом протиснувшись в сухое лоно, толкался там, пока отверстие не увлажнилось. Поудобнее захватил её ногу, поднял и закинул себе на бедро. Зажав рукой её полнеющую грудь, легко заскользил в горячем, скользком отверстии, ощущая себя хозяином этой волнующей его женщины.

Короткая встреча

Робби прислал письмо, где попросил разрешения навестить могилу отца. Тибо долго советовался с герцогом, наконец ставшим лордом-канцлером, что было невозможно при старом короле, и разрешил брату ненадолго приехать. Потом, лопааясь от распиравшей его значительности и любуясь собой, торжественно сообщил новость жене. Делла долго молчала. Потом подошла к мужу и, помедлив, тяжело опустилась перед ним на колени, взяв за руку:

— Отошли меня! Прошу... Дай уехать!

Поглаживая её по щеке, самодовольно улыбнулся:

— Не вижу необходимости... Я доверяю своей любимой жене. Верю, что она поведет себя правильно... Ведь так, любимая?!

— Я тогда... сама уеду! Не буду участвовать в этом балагане!

— Ты больше не боишься за него? Ну что ж, уезжай...

— Тибо... Ваше величество! Ты сделаешь так, чтоб мы не встретились?

— А что тебя смущает? Пора покончить с детством, милая! Разве этот живот не доказательство твоей любви к мужу? Так спроси у придворных поэтов, они прочтут свежие мадригалы о нашей страсти!

Её соленые слезы залили руку короля, лежащую на её шее. Он отдернул ладонь.

— Так-то лучше, любимая...

Король на охоте, его часто не бывает днями. Во время прогулки по дворцовому парку Делла с Линой наблюдали за финальной отделкой купальни, устроенной по приказу короля специально для любимой жены. Небольшой круглый бассейн выложен гладкими изразцами и закрыт от посторонних глаз высаженным по периметру густым кустарником. Лина выражала шумные восторги и зависть, выбивая из госпожи обещание разрешить и ей понежиться там, «чтоб завидовали». Делла чутко прислушивалась к крутящемуся в животе ребенку и никак не могла сосредоточиться на верещании служанки, погруженная в тревожные мысли. Ни росший живот, ни её опасения за плод не могли убедить мужа оставить её в покое хотя бы на время. Он был полностью поглощен ею, пугая королеву своей ненасытностью. Чем более она выказывала скрытой неприязни, тем притягательнее становилась для него. Каждую ночь он утверждал свои права на неё, мучая распятую на королевском ложе. Делла пыталась покоряться и не сопротивляться, тогда он намеренно причинял ей боль, оставляя синяки на теле. На словах служанки «а я знаю... то есть, говорят, что делать это в воде — одно удовольствие» королева отвлеклась от тяжелых воспоминаний.

— «Говорят...», «знаю...» — ты о многом осведомлена, Лина, — устало произносит она. — О чем ещё говорят при дворе?

— Я не знаю, правда ли это... нет, наверное, врут... мне не стоит расстраивать мою королеву...

— мнется девушка, едва не лопааясь от переполняющих её сведений.

— Лина, я жду, говори, наконец! — призывает Делла.

— Моя добрая королева опять расстроится, — приторно цедит служанка. — Это о принце... На цепенеющую Деллу вновь обрушивается ворох слухов о страшных опасностях, подстерегающих возвращающегося принца, да и её саму.

— Ну вот, я же предупреждала... — удовлетворенно протягивает вроде бы смущенная служанка, искоса наблюдая за дорожками слез на застывшем лице королевы. Спыхватываясь, заботливо предлагает вернуться в замок и прилечь. В спальне долго квохчет над рыдающей госпожой, пока та, обессиленная, не прогоняет её.

Ночью Делла обнимает пыльные сапоги полупьяного короля, праздновавшего очередные охотничьи успехи, и уверяет того в своей полной покорности. Тот притворно строго отворачивает лицо, полное торжества. Подняв полнеющую жену, он усаживает её на колени и ждет, обдавая тяжелым винным запахом. Пока она, скрывая отвращение, целует его, неспешно распахивает её легкое ночное одеяние...

Легко, как змея, проскальзывает его длинный член в её влажное отверстие. Прижавшись животом к её гладким ягодицам, он обнимает её сзади и, целуясь в засос, они темпераментно исполняют супружеский долг, скрепляя им негласный договор. До самого приезда Робби Делла смиренно повинуется мужу.

Королевский охотничий лагерь раскинулся на живописной лужайке в нескольких милях от замка. Множество разноцветных палаток придворных, ранним утром ещё тихо. Большой королевский шатер, раскрашенный в династические цвета, мирно хранил сон царственных супругов. Небольшая процессия всадников в дорожных костюмах шагом пересекла извилистый ручей и рысью потрусила к лагерю. Высокий всадник в запыленном костюме соскочил с коня и, оглядевшись, направился к стражникам, охранявшим королевский сон.

Гибкой змеей приблизилась Лина к королевскому ложу и, с полуулыбкой оглядев голых спящих супругов, наклонилась к уху храпящего правителя. В полусне выслушав шепот той, Тибо стряхнул с себя остатки сна и, подумав, что-то негромко приказал. Отойдя и скрывшись за плотным занавесом, отделявших ложе от приемной, она застыла в ожидании.

Усмехнувшись, король хищно оглядел жену, крепко спящую после ночных утех. Прижавшись к обнаженному телу, погладил мягкую грудь и скользнул рукой вниз по животу. Полусонная девушка только вздохнула. Ободренный её податливостью, привалил к себе и протиснул ладонь меж ляжек, измазанных засохшими любовными соками. Дернувшуюся жену придавил плечом и неторопливо заработал рукой.

Женские стоны с супружеской постели становились все протяжнее, кровать тяжело скрипнула; служанка вышла к стражникам и кивнула им. Копья разомкнулись, и Робби вошел в шатер брата.

Услышав первые стоны, он инстинктивно огляделся. Зная, что за занавесом спальня короля, помрачнел... К женским вздохам присоединились мужские, мерно поскрипывала кровать... Низкое рычание достигло пика, сменилось вновь протяжным стоном и завершилось все тихим, усталым смешком. Сложив руки на животе, служанка тайком рассматривала принца, сидевшего с непроницаемым лицом.

За ширмой послышалось движение и, громко произнеся: «Ты присоединишься к нам, любимая?» — к Робби вышел король. Он не слишком изменился, только погрузнел, и лицо светилось довольством, которого не наблюдалось в первом браке. Тибо преувеличенно

радушно обнял поднявшегося брата. Сказал, что всегда рад видеть близких и любимых. Робби передернуло.

— Делла, наверное, обрадуется. Она выйдет к нам, когда придет в себя... Ну ты понимаешь меня... Пригласи королеву, — отрывисто Лине. Та бросилась за ширму.

Делла слышала, что муж с кем-то разговаривает, и неохотно поднялась, следуя суетливому шепоту служанки «король ждет». Застыв на пороге, она невидяще смотрела на знакомую, нисколько не забытую спину любимого. Вот он медленно, будто с усилием встал, вот повернулся... Дорогое, неподвижное лицо, отведенный взгляд... Они встретились глазами. Принц опустил взгляд на её выпуклый живот. Оба старались сохранить самообладание. Робби удалось лучше, ей — не сразу. Жадным взглядом король всматривался в их лица и, скрыв гнев, торжествующе улыбнулся.

— Позавтракай с нами, милая, — требовательно протянув к ней руку. — Ну!..

Делла чуть помедлила, но тон короля не оставлял сомнений. Она подошла и, обняв её, муж усадил к себе на колени. Потянулся к ней губами, и она машинально приблизила свои. Робби не смотрел, как брат жевал покорные губы Деллы; она украдкой отерла слюну мужа.

Молчаливо взирали они на спектакль, устроенный Тибо. Раздуваясь от важности, тот вещал нечто эпохальное. На просьбу брата завтра же вернуться в университет, король многозначительно ответил, что пока не отпускает того — есть планы...

— Вам нужно поговорить, — вдруг выдал Тибо. — Ведь дружили же когда-то... Но не сегодня, а... может, завтра. Да, пожалуй, завтра, днем, в дворцовом парке... Вспомните детство, я разрешаю, — важно закончил он.

Неподвижный Робби молча поклонился им и пошел к выходу. В дверях он услышал, как брат велит Делле вернуться в постель ожидать его. Выйдя на свет, Робби, прищурившись, оглядел слоняющихся заспанных придворных, суетящихся слуг. Решительно направился к привязанному коню, пришпорил его и поскакал куда глаза глядят. Его слуги бросились за ним.

Королева попятилась от взбешенного мужа, упершись спиной в стену и закрыв живот руками. Отхлестав её по щекам, тот рванул с неё платье. Делла заплакала, не находя в себе сил вновь ублажать ненавистного мужа. Робби, с застывшим, таким дорогим лицом, стоял у неё перед глазами. Она из последних сил удерживала на груди платье, слабой рукой отталкивая разозленного Тибо. Тот шипел, что уничтожит их, нет, того, братца, который посмел глазеть на неё... Разорвав, наконец, на жене одежду, сильно толкнул её в грудь. Упав к его ногам, она обреченно смотрела, как король снимает халат и прижимается шершавой в засохшей сперме промежностью к её лицу. Отшатнувшись, она зарыдала. Схватив её за волосы и ткнув в свой пах, он зашипел: «Лижи! Ну! Целуй!»

Уже вскоре она, всхлипывая, облизывала толстый, мягкий, соленый от спермы член. Обнимая мужа за бедра, сосала длинные яички, пока он, мыча от удовольствия, любовно перебирал пальцами мокрый ствол. Покорившись угрозам, испуганно терпела, зажмурив глаза и раскрыв рот... Потом он кончил ей на лицо. Силой разлепив её сжатые губы, заставил вылизать обмякший член. — И так будет всегда! Ты моя, запомни это и дружку своему скажи! Бывшему! — захохотал он, упав в изнеможении на постель. Девушка обреченно смотрела в пол. К вечеру двор вернулся в замок.

Назавтра Делла сама не своя ожидала встречи с Робби. Она и желала, и страшилась этого, но взвинченный муж уже напомнил ей и велел идти. Она и не знала, о чем говорить, и хотела

многое рассказать ему... Просто хотела постоять рядом с любимым. Как она ни гнала от себя чувство к Робби, оно никуда не делось, только обострилось, стало горьким. Куда-то пропала Лина, как раз когда она нужна. И девушка пошла за слугой короля, пришедшим проводить её к месту свидания, в дворцовый сад.

Около нового бассейна-купальни, окруженного густым свежесаженым кустарником, стояла кучка королевских слуг. «Странное место для встречи с принцем», — успела подумать королева. Мужчины расступились и поклонились, пропуская её. Возле купальни стоял Тибо в легком халате на голом теле. Делла все поняла и повернула обратно. Слуги сомкнулись перед ней, преграждая путь. «В ловушке! На всю жизнь! На всю проклятую жизнь!» — девушка в отчаянии заметалась перед цепью мужчин, повернула назад и оказалась в руках мужа. Тот обхватил её и поволок к воде, шепча в ухо:

— Ты хочешь, чтоб тебя раздели слуги?

— Мне все равно! Не буду!!!

Когда она устала от бесполезной борьбы и он почти расстегнул на ней одежду, махнул слугам и те ушли. Сняв платье, снес её в воду и несколько раз окунул с головой, чтоб не вырывалась. Подтянулся на руках и сел на край бассейна. Намотал на руку её волосы, подтащил к своим широко раздвинутым ляжкам и ткнул лицом в мокрую промежность. Внимательно всмотрелся в густые кусты, злорадно усмехнулся и поудобнее обхватил её затылок.

Служанка тащила его по дворцовому саду, безостановочно болтая. Обо всем. Главное о том, как ждет его королева и как она рада ему. Ещё о том, что та — бедная. Они все шли и шли, а Деллы все не было, и Робби уже казалось, что та водит его кругами, рассчитывая, что в смятении он этого не заметит. Он почти и не замечал. Как не вспомнил вот этих новых кустов, высаженных ровным квадратом, будто по контуру чего-то. В растерянности он оглянулся; служанка кружила на месте, во что-то вглядываясь, почти внюхиваясь.

— Здесь, — неуверенно и тихо произнесла она. — Ждите тут.

Лина пристально посмотрела на кусты, потом на него, снова туда, тихий плеск воды... Интуитивно и он всмотрелся... Он уже не видел, как скрылась коварно улыбающаяся девушка. Все мысли заслонило лицо брата, расплывшегося в довольной гримасе. И Делла, которая... Сквозь просветы в густой растительности видно было плохо. Но словно движимый некой темной силой, принц придвигался все ближе и ближе... «Как портовая шлюха, — в отчаянии подумалось ему. — Может, Тибо и прав про их великую любовь?... « Он и сам не знал, почему не уходил, не бежал отсюда. Злость, какая-то мрачная безысходность сковали все его тело и заставили смотреть, вглядываться, запоминать... Мокрые волосы его любимой девушки прилипли к мокрой спине и плавали вокруг неё. Её рук он не видел, они были где-то там, между ног брата, только тонкие локти, прижатые к бокам. Русоволосая голова, плавно качающаяся меж толстых ляжек брата... И довольное лицо короля, свободно раскинувшегося на бортике бассейна. Мирная супружеская сцена... Ничего из того, что рисовало себе его воображение, вроде принуждения и насилия.

Король опустил в воду, и супруги поцеловались. Не видно её лица, но наверняка не менее удовлетворенное, чем у мужа. Упершись в бортик, помогает ему, заведя назад руку. Сжав ей локти, он подтягивает её к себе, обнимает сзади, и они ритмично качаются, волнуя воду. Её лицо... Усталое, без улыбки, привыкшее... Робби побрел прочь.

Назавтра король гневно отчитывал принца, твердя, что не потерпит, чтоб его приказы не выполнялись: королева удостоила его милости побеседовать, ожидала его напрасно, а он

самовольно покинул дворец и направился в притон. «В грязный притон к девкам, мне донесли!» — многократно повторил король, косясь на супругу. Брат молчал, и Тибо, вызвав стражу, велел запереть того в своих покоях до его особых распоряжений. Самодовольно проследив за удаляющимся караулом, король искоса изучил лицо супруги — бесстрастное. Он просиял.

Тибо лениво раскинулся на постели, наблюдая за равнодушным лицом жены, сидящей на нем и скользкой по его члену. Ему нравилось видеть, что эта своевольная красавица покорилась сразу после недолгого сопротивления, легко подавленного им. Она всегда противится, если только сильно не напугана; он же всегда добивается своего. Оба знают, как здорово заводят его постельные схватки, расцветившая любовный акт. Он положил руки на её прыгающие груди, помял их — она будто не заметила. Выкрутил и оттянул соски — замерев, она взглянула на него.

— Вот так-то лучше, — пробурчал он. — Смотри на меня! Не останавливайся!

Сжимая её упруги полушария, важно сообщил, что отправляет её донашивать ребенка в один из дворцов, дальний. Чтобы в тишине и покое, без придворной суеты она осознала свои прошлые ошибки и родила наследника. А потом, вернувшись, ещё крепче любила бы его, своего супруга. Который без неё станет скучать, но так он решил. Казалось, она должна уже безразлично выслушивать подобные высокопарные фразы.

— А Робби?! — непроизвольно вырвалось у неё. Запоздало закрыла рот рукой — муж тяжело посмотрел на неё. Перехватил руку, больно вывернул. Шлепками по бедрам принудил её ускорить движение; она запрыгала на его члене, придерживая живот и сжав внутренние мышцы. Измученная, равнодушная, закрыв глаза, ждала, когда муж перестанет изрыгать ругательства, коими сопровождался его оргазм, и уберет побелевшие пальцы с её груди в красных пятнах.

Подруга

Королева рассеянно наблюдала за служанками, укладывающими её вещи, невпопад отвечая на их бестолковые вопросы. Мысли её были заняты вовсе не отъездом. Куда-то подевалась Лина, верно опять собирающая сплетни по всему дворцу, как раз когда она была бы кстати. Делла уже посылала за ней, но найти ту не смогли. Молодая придворная дама, приставленная к королеве недавно, умело руководила весело переговаривающимися девушками. Несколько раз взглянув на тоскливо смотрящую в окно Деллу, девушка подошла к ней.

— Ваше величество, позвольте сказать.

Королева безучастно повернулась:

— Да, э-э...

— Графиня Амбер, к услугам вашего величества, — и протянула ей сложенный лист бумаги. «Ты доверяешь своей служанке Лине?» — прочтя, недоумевающая Делла подняла глаза на девушку. Та открыто смотрела на неё.

— Вы узнаете почерк, ваше величество?

Да, она узнала, — сказались годы дворцовой учебы, проведенные рядом с Робби. Почерк изменился мало.

— Откуда это у вас? — с недоверием.

— Я родственница принца, он просил передать вам.

Король что-то бурчал про назойливую родню, крутящуюся при дворе и требующую внимания... Родственница принца... Делла задумалась: почему Робби спрашивает о Лине.

— Почему? — озвучила она свои мысли.

— Ваша служанка не предана вам. Она служит... — девушка выжидательно посмотрела на королеву.

— Моему мужу? — помогла ей королева.

— Принц так и просил вам передать. Многие знают, но молчат. Считается, что это ради вашего блага.

— Почему я должна верить вам? — задумчиво глядя на девушку. — Вот если б Робби сам...

— Поэтому его и держат взаперти, чтоб вы не поговорили. Его слуга передал этот листок мне как его родственнице, чтоб никто не заподозрил вас. Я сама видела, как Лина тайком встречается с Вутом и королем.

— С Вутом? — не поверила Делла. — Она же боится его и ненавидит. Нет, не может быть! Почему я выслушиваю все это?! — А где сейчас ваша служанка? Часто ли она оставляет вас и исчезает? Если королеве угодно пройти со мной, то я попробую убедить вас...

Девушки подошли к охраняемому стражниками королевскому кабинету. Следуя инструкциям Амбер, королева приблизилась, негромко поговорила с солдатами и задержавшись у дверей, прислушалась. Тихие голоса и смех слышались оттуда. Отойдя, девушки притаились за углом. После долгого ожидания они увидели: из кабинета вышли скалящийся Вут и раскрасневшаяся Лина. Верзила хлопнул девицу по заду, ухмыльнувшись и воровато оглянувшись, она прошмыгнула в сторону покоев королевы, громила направился в противоположную. Следом раздался громкий призыв короля, один страж вошел в покои...

Девушки переглянулись. Все это было очень странным, если не сказать больше. Неясные догадки теснились в голове Деллы, превращаясь в смутные подозрения. Её вечный страх за Робби и себя — он жил в том числе и благодаря Лине. Тщательно подпитывался той и никогда не оставлял её. Недаром ей изредка казалось, что служанка будто играет и даже переигрывает в стремлении оберегать её, а на деле ещё более запугивает. И это её сочувствие, смахивавшее на показное, показным и было. А она сама не догадывалась...

— Почему вы помогаете мне? — спросила Делла, когда они брели обратно в покои.

— Его величество король... прежний... Элиас, ему я обязана своим семейным счастьем, — прямо ответила Амбер.

— Кто теперь помнит моего доброго супруга? — горестно вздохнула королева.

— Мы с мужем помним и никогда не забудем, — горячо прошептала девушка. — Мы на вашей стороне. И ещё Робби.

И Делле так захотелось иметь подругу, настоящую, которой можно довериться. Всегда.

— Вы оказались моей придворной дамой... ? — начала королева.

— Благодаря Робби. Он попросил моего супруга, чтобы тот устроил меня к вам. Король не возражал. Мой муж его родственник, поэтому... — объяснила Амбер.

И Делла поверила. Она устала быть одна. Девушки с облегчением пожали друг другу руки.

— Будь ты проклята, стерва! И ты! Вы обе... — Лина не знала, как ещё выразить охватившее её бешенство. Только что королева обвинила её в краже драгоценностей, которую они с помощью Амбер сами и подстроили.

— Сгниете в подвале, вы... вы... — разъяренную служанку, разом отбросившую напускную учтивость, стража уволокла прочь. Девушки победно переглянулись и, не сдержавшись, прыснули.

— Дальше я сама. Идите Амбер и спасибо вам.

Компромисс

— И что это значит?! — захлебывался криком Тибо, размахивая руками перед носом жены. — Ты оставишь её, нравится тебе или нет!

— Лина — воровка, — устало в который уже раз повторяла Делла. — Было бы разумно наказать её как следует.

— Это все твои штучки! Ты пожалеешь! — не унимался тот. — Я приказываю вернуть девушку!..

— Если ты вернешь её, — медленно начала королева, — я не ручаюсь за её здоровье и... жизнь. Вдруг она... не проснется утром? Так бывает, не правда ли, милый?

Он занес руку для удара. Она отпрянула, но твердо взглянула на мужа. Он помедлил; гневное выражение постепенно покинуло его лицо, сменившись понимающей ухмылкой. Он захохотал, притянул жену и крепко обнял.

— Ты пошла бы на это? — прошептал он. Она не отводила взгляда. Мерзко улыбнувшись, он захватил её губы своими и долго мусолил.

— Мерзавка, стерва, дрянь, — шептал он между поцелуями, — люблю тебя такую, хочу тебя...

Он поднял её на руки и понес в королевские покои. После недолгой борьбы, поощряемой его восторженным «да! так! давай! ещё!», она вновь сдалась, и, лежа на боку, прижавшись к её спине, он овладел ей. Доведя её до изнеможения иступленными поцелуями, он перекатился на спину и, приподняв её и заставив опираться на руки, забился в ней снизу.

Делла смотрела на свой круглый живот, облапанный его волосатыми руками и ритмично дергающийся, и тягостно ждала его разрядки. Она не понимала, боится ли за будущего младенца. За всю беременность она так и не определилась со своим отношением к нему — ребенку ненавистного Тибо. Помяв её вспотевшие груди, он заревел; его руки судорожно заметались по её телу, приминая кожу до красноты. Спустив пальцы на её лобок, он сильно растянул ей нижние губки, прижав мокрый клитор. Вскрикнув от боли, Делла упала на грудь мужа. Тяжело дыша ей в ухо, Тибо просипел:

— Навещу тебя там. Будешь ждать? — и, не дождавшись ответа, похлопал её живот. — Наш сын... Наследник!

В ожидании

Отошла душой она, только оказавшись в одном из королевских замков далеко от мужа. за живот и побрела обратно в замок. Обеспокоенная её слезами, Амбер рассказала ей, что Тибо освободил брата, с тем чтобы тот срочно отбыл за границу продолжать учебу. Робби простался с ней — поняла Делла. Вскоре она родила девочку. Нежеланный ребенок

Дочь была немного похожа на Тибо, но королева не придавала этому большого значения — она полюбила малышку. То, чего она боялась, не произошло — она не перенесла на ребенка неприязнь к мужу. Материнские чувства возобладали в Делле, и она наслаждалась ими. Из королевского дворца никто не ехал с поздравлениями, но её это только радовало. Больше месяца ничто не нарушало счастья молодой матери. Верная Амбер только радовалась, глядя на возродившуюся подругу.

Тибо подходил к жене крадущейся походкой, не предвещавшей ничего хорошего. На его лице блуждала опасная усмешка. Кормящая дочку Делла и Амбер переглянулись. Подруга глазами спросила, что делать; королева в растерянности качнула головой. Амбер поклонилась, ожидая указаний; Делла беспомощно смотрела на сладко чмокающего младенца. Такое же голодное выражение она уловила во взгляде мужа, вновь подняв глаза. Тибо медленно обошел вокруг жены, намеренно не глядя на дочь. Потом сделал вполне

определенный жест рукой — вон. Поспешно взяв младенца, Амбер вышла. Король нарочито ленивым шагом приблизился вплотную и стоял, раскачиваясь на каблуках. Внезапный удар повалил Деллу на пол; нагнувшись над ней, муж бил и бил её по лицу, шее, плечам.

— Дрянь, гнилая утроба, сука! — вопил он, отпуская оплеухи. — Где мой сын!? Ты кого родила!?

— Твое семя! Твоя дочь! — слабо защищалась королева. — В чем моя вина!?

Король расходился все пуще; он и сам понимал, что вымещает на жене злобу за все: за её равнодушие, любовь к брату, за свою ненависть к нему, сопернику, пусть и далекому, но такому близкому ей. Ничем не сдерживаемый гнев поднял в нем волну похоти, сейчас же требовавшей удовлетворения. Как ни виновата была перед ним эта строптивая девчонка, родив ненужную дочь и разъярив его, только она владела всеми его помыслами, только видя её, он воспламенялся безо всякой излишней помощи.

Стремление наказать, смешанное с похотью, заставило его подтащить её, избитую, к стене. Прижатая спиной к гладкому шелку обивки, Делла, как могла, упиралась руками в его выступающий живот и полные бедра, пока он, нависнув над ней, спускал штаны. Сломив отчаянный протест и силой открыв ей рот, он втолкнул в него вялый член. Она попыталась укусить его, тогда он обеими руками принялся душить её.

— Твоя дочь выживет без тебя, как думаешь? — вполз ей в ухо ядовитый шепот мужа. Тут же вспомнились другие угрозы: «Будешь послушна — Робби проживет долго».

Она уронила руки и закивала головой... Сцепив руки на её затылке, Тибо методично долбил её рот, удовлетворенно ощущая на мокром стволе приятное тепло её мягких губ. Они сжимали член не сильно и не слабо, а так, как он научил её за время их брака. Он вновь сделает её послушной, как тогда, как будет всегда. Её регулярные, но кратковременные бунты только придают необходимую остроту супружеским отношениям и являются как раз тем, что больше всего он в ней любит. Король постанывает, движения его бедер ускоряются, мокрый член с хлопаньем скользит по её языку. И вот, наконец, она торопливо глотает вязкую сперму, плещущуюся в горле. Король довольно переводит дух и плюхается на кровать жены, не застегнув штанов.

По его приказу приготовлена ванна: король желает отдохнуть, устав с дороги. Отпустив слуг, ему прислуживает жена. Одета в легкую сорочку, Делла трет ступни мужа, сидя на бортике большой овальной ванны. Тибо блаженствует в теплой воде, положив ноги на колени жене. Он в мирном настрое и жаждет закрепления семейной идиллии, не обращая внимания на печаль королевы.

— Иди ко мне, — тянет её в ванну, — нет,ними...

Она устраивается напротив него, но муж с приторной улыбкой тянет её в свои объятия.

— Как хорошо! — зарывается в её волосы. — Ты сладко пахнешь... Не выпускал бы тебя...

Теперь не отпущу!

Он важно разглагольствует о том, что настало время ей вернуться ко двору и как прежде стать его украшением. И дарить радость своему мужу. На словах «зачать нашего сына» Делла очнулась:

— Зачать?... Мне нужно немного отдохнуть после родов. Я хотела бы остаться здесь, хотя бы ненадолго. Нам хорошо тут с дочкой...

Она почувствовала, как напряглось тело Тибо, тесно прижатое к ней. Но на сей раз тот сдержался. Его объятия, больше напоминающие тиски, стали крепче.

— Ты вернешься со мной. Судьба этой... твоей дочери меня не интересует. Мне нужен наш сын, и поскорее, — ровным голосом произнес он и лизнул её ухо.

Его руки блуждали по телу Деллы, гладили и щупали наполненные молоком груди, сжимали гладкий лобок, потирали складки вагины. Муж пыхтел все громче, не отвлекаясь на всхлипывания жены, вода плескалась через край ванны.

— Твои губки такие нежные... Язычок такой ловкий... — покрасневшись от её близости, шептал он, запуская пальцы в её влагалище. — Я соскучился... Не могу без тебя.

С шумом встав из воды, он мгновенно повернул её к своим ногам и, схватив за волосы, стукнул напряженным членом ей по лицу. Она едва успела раскрыть рот, как соленое семя растеклось по языку.

— Следующее потечет в твоё лоно, — отдуваясь, рыкнул муж.

Они уехали домой в этот же день. Дочку забрала Амбер, уверив королеву, что с той все будет в порядке. Уже понапрасну не плачущая Делла горестно размышляла по дороге домой, как ей жить дальше.

Дома

Первым, кого она встретила при дворе, был Вут; сейчас он обретался при лошадях. В честь вернувшейся королевы был устроен прием. Слушая многочисленные речи в честь счастливой королевской четы, Делла настороженно наблюдала, как Тибо накачивается вином.

Королевские прихлебатели и сами не отставали от хозяина, так что скоро прием превратился в пьяную оргию. Когда подвыпившие придворные начали задира́ть юбки служанкам, Делла ушла в спальную.

Разбудили её потные руки мужа, в беспорядке шарившие по постели. Сильно перепивший, он никак не мог сладить с ней и, скатившись с кровати после её тычка, пришел в бешенство.

— Вут! — заревел он, и тот тут же появился, будто поджидал за дверью. И тот давний кошмар повторился.

— Пожалеешь... Обо всем пожалеешь... — бормотал муж, пока они раздевали её и связывали руки. Подвесив её на держатель для факела, дико хохоча, Тибо опустился к её ногам впился мокрым ртом ей в промежность. Брыкающуюся, её прижал к себе Вут, подхватив под колени. И вновь, как тогда, она едва не обезумела от насилия над нежной плотью. Казалось не будет конца утомительному чавканью его рта, пока он лизал, кусал, сосал...

Когда, поднявшись с колен, он перехватил её у дегенерата и насадил на вздыбленный ствол, она не испытала облегчения, только боль и тягостное возбуждение. Тибо, казалось, не обращал внимания на слугу, лапающего жену с довольным мычанием. А она пыталась брезгливо сбросить с себя руки того, вздрагивая всем телом. Когда король с пьяным стоном кончил в неё, сзади поясицу залило семя Вута. Она закричала и инстинктивно подалась к мужу, который ничего не заметил.

Совершенно измученной, ей уже было все равно, пока её отвязывали, пока мучители возбуждали себя прямо перед её лицом. Её швырнули на кровать, и скалившийся идиот прижал её голову к простыни. Сквозь пелену слез и безразличия она ощущала, как Тибо, крепко охватив её бедра, ввинчивается меж её ягодиц. Девушка закусил губу, чтоб не закричать от боли и обиды, и застонала только, когда муж резким толчком загнал член в её зад на всю глубину. Потом она почти ничего не соображала, пока он бился в ней бешеными скачками. Почему-то в этой непрекращающейся вакханалии её память сохранила звонкие удары его длинной мошонки по её липкой от спермы вагине. И ещё мерзкие лапы

слабоумного негодяя, втихомолку щупавшего её.

Только одно спасло храпящего рядом мужа от её желания придушить его